

ДВА КАКОЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

TWO КАКОЙ-S IN RUSSIAN

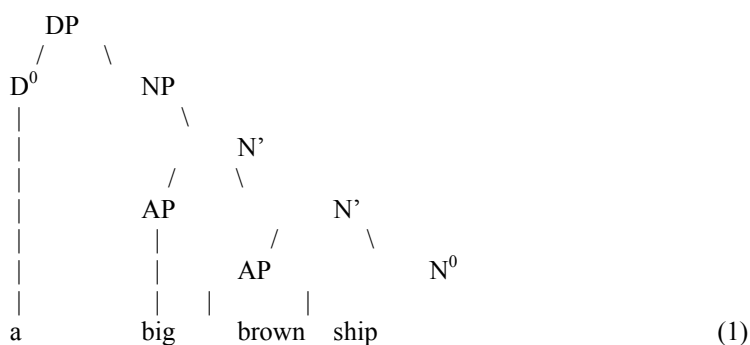
И.С. Янович (Igor_Y@abbyy.com)
МГУ им. М.В. Ломоносова, ABBYY Software House

Работа рассматривает вопрос о категориальном статусе русских местоимений с корнем *какой*: являются ли они прилагательными или же детерминаторами? Я предлагаю анализ, в котором эти местоимения существуют в двух вариантах, имеющих разные значения. Предложенное решение позволяет описать наблюдаемые семантические и синтаксические факты.

1. Детерминаторы или прилагательные?

Русские неопределенные местоимения типа *какой-то* и *какой-нибудь* образованы от вопросительного слова *какой* с помощью маркеров серии неопределенных местоимений (для этих двух слов, *-то* и *-нибудь*). С точки зрения морфологии, вопросительное слово *какой* является прилагательным, как и образованные от него местоимения. Однако предложенные на сегодняшний день анализы семантики таких местоимений, как правило, предполагают, что они выполняют синтаксически иную роль, а именно, что они являются детерминаторами (*determiners*), так же, как и английские местоимение *some*, имеющий сходную семантику, и артикли *a* и *the*.

С точки зрения современного синтаксиса, разница между детерминаторами и прилагательными состоит в следующем: прилагательные образуют группы прилагательного (AP), которые присоединяются к именной группе (NP) в любом количестве, в качестве сирконстантов. Детерминаторы же образуют группу детерминатора (DP), принимая при этом одну и только одну именную группу в качестве аргумента:

Иными словами, синтаксис естественного языка устроен так, что в одной DP может быть много прилагательных, но не более одного детерминатора.

С точки зрения семантики, различия в поведении прилагательных и детерминаторов выражаются в том, что они имеют различные семантические типы. Семантический тип общего имени – это тип одноместного предиката (относительно индивидуальных объектов). Иными словами, общее имя означает функцию из индивидуальных объектов в истинностные условия. Например, общее имя «lion»¹ даст ИСТИНА, получив в качестве аргумента индивидуальный объект, являющийся львом, и ЛОЖЬ в противном случае. Группа прилагательного имеет такой же семантический тип. Например, «bold» даст ИСТИНА, получив в качестве аргумента объект, являющийся храбрым, и ЛОЖЬ в противном случае. Когда группа прилагательного модифицирует общее имя, используется правило семантической композиции, принимающее два предиката и возвращающее передикат--их пересечение. Таким образом, семантический тип именной группы – также тип одноместного предиката. Понятно также, что к одному общему имени может присоединиться несколько прилагательных – поскольку такое присоединение не влияет ни на семантический тип, ни на синтаксическую категорию результата.

С другой стороны, семантический тип детерминаторов – это функция из одноместных предикатов относительно индивидуальных объектов в индивидуальные объекты. Так, NP «red lion» обозначает лишь предикат, но DP «the red lion» обозначает не предикат, а некоторый объект – конкретного льва. Поэтому в аргументной позиции глагола, которая требует заполнения составляющей, обозначающей индивидуальный

¹ Мы иллюстрируем простейшие семантические свойства разных категорий на материале английского языка, так как в русском NP «храбрый лев» и DP «храбрый лев» омонимичны (из-за наличия нулевого детерминатора), что осложнило бы изложение.

объект, находящийся в определенном отношении к ситуации, обозначаемой глаголом, может использоваться только DP, но не NP: «^{OK}The lion sleeps», но «*Lion sleeps».

В традиции грамматики Монтегю тип индивидуальных объектов обозначается как *e*, тип истинностных условий как *t*, а запись $\langle a, b \rangle^2$, если *a* и *b* – типы, обозначает функцию из (всего множества объектов) типа *a* в тип *b*. В простейшей экстенциональной семантике только эти два базовых типа и функциональные типы, построенные из них, являются типами. В этой записи, тип NP и AP – это $\langle e, t \rangle$, а тип детерминатора – $\langle \langle e, t \rangle, e \rangle^3$.

Итак, семантическое различие детерминаторов и прилагательных состоит в том, что первые, объединяясь с именем, дают составляющую, обозначающую конкретный объект, а вторые – только предикат в том же типе, которому принадлежит значение общего имени.

Теперь мы более или менее подготовлены к тому, чтобы изложить загадку, анализу которой посвящена настоящая работа. Традиционный анализ русских слов типа *какой-то* и *какой-нибудь*, будучи переведен на язык современных синтаксиса и семантики, говорит, что такие слова являются детерминаторами. Например, (Падучева, 1985, с. 85) говорит следующее: «Актуализаторы – это те слова $\langle \dots \rangle$, которые превращают общее имя в актуализованную именную группу [т.е. ИГ, обладающую референцией, или DP в современной терминологии – И.Я.]. $\langle \dots \rangle$ К числу актуализаторов относятся такие слова (и словосочетания), как $\langle \dots \rangle$ *какой-то*, *кое-какой*, *некий*, *какой-нибудь* $\langle \dots \rangle$ ». При этом оказывается, что, к примеру, роль форманта *-то* в местоимении *кто-то* равна роли целого слова *какой-то* в DP «какой-то мальчик» – влияние обоих элементов на интерпретацию всей DP в анализе (Падучева, 1985) сводится к определению значения категории определенности этой DP.

Но едва ли может показаться естественной такая ситуация, когда значение маркера серии в одном из местоимений равно значению какого-либо целого местоимения этой же серии – во всяком случае, это не будет естественным для любого исследователя, считающего неслучайным форму неопределенных местоимений, состоящую из маркера серии и корня, задающего онтологическую категорию, ср. (Haspelmath, 1997). Напротив, естественно было бы считать, что местоимения, образованные от вопросительного слова-существительного *кто* будут существительными, а местоимения, образованные от вопросительного слова *какой* – прилагательными, и что значение маркера серии будет неизменным для всех местоимений серии.

Подобный анализ семантики русских *-то* и *-нибудь* местоимений предложен в работе (Yanovich, 2005). В этой работе значения этих маркеров серий неопределенных местоимений анализируются как особые Хамблиновы выбирающе-функциональные переменные (см. (Kratzer, 1998) о выбирающе-функциональном анализе неопределенных выражений; (Kratzer & Shimoyama, 2003) о Хамблиновом анализе вопросительных слов). Суть анализа, предложенного в (Yanovich, 2005), состоит в том, чтобы описать *-то* как обычную выбирающую функцию, а *-нибудь* – как сколемизированную на один аргумент выбирающую функцию. Ограничения данного доклада не позволяют подробно изложить преимущества и технические детали такого подхода, достаточно лишь сказать, что такой анализ правильно предсказывает давно замеченную особенность поведения этих двух серий неопределенных местоимений в отношении сферы действия: *-то* местоимения могут принимать любую сферу действия, в то время как *-нибудь* местоимения могут принимать только сферу действия, вложенную в сферу действия какого-либо особого оператора (по анализу (Yanovich, 2005), любой квантификационной структуры; ср. (Падучева, 2004): «местоимение типа *какой-нибудь* выражает квантор существования в контексте подчиняющего оператора»). Естественным следствием такого анализа, предлагающего единые (полиморфические) значения для маркеров серий неопределенных местоимений является и то, что *какой-то* и *какой-нибудь* нетрадиционно рассматриваются как прилагательные, а не как детерминаторы.

На первый взгляд, подход (Yanovich, 2005) кажется более логически оправданным. Однако – и тут мы наконец подходим к загадке, решению которой посвящена настоящая статья – все его преимущества оказываются бессильны перед чудовищным недостатком: такой подход неправильно предсказывает значения простейших предложений! Рассмотрим это на конкретном примере:

Каждая девочка увидела какого-то котенка. (2a)

Каждая девочка увидела какого-нибудь котенка.

(2b)

^{OK} для (1a):

$\exists x$: котенок(x) $\forall u$: девочка(u) [увидел(x)(y)] (3a)

^{OK} для (1a,b):

$\forall u$: девочка(u) $\exists x$: котенок(x) [увидел(x)(y)] (3b)

Классические значения для предложений в (2), основанные на предположении, что *какой-то/какой-нибудь* являются детерминаторами (обозначающими экзистенциальные кванторы по индивидуальным объектам,

² Допустима также омонимичная запись с пропуском запятой, $\langle e, t \rangle$.

³ На самом деле, более правильно считать, что тип (по крайней мере большинства) детерминаторов – это тип $\langle \langle e, t \rangle, \langle \langle e, t \rangle, t \rangle \rangle$. Этот факт важен при анализе квантификации в естественном языке, но из-за ограниченного формата доклада мы ограничиваемся здесь более простой, хотя и неправильной, семантикой.

возможно, с определенными ограничениями), приведены в (3). В обеих интерпретациях в (3) сферу действия приобретает вся DP, содержащая неопределенное местоимение. Так, (3a), с широкой сферой действия, будет верно в ситуации, когда одного конкретного котенка увидели все девочки, а (3b), с узкой сферой действия, будет верно, если для каждой девочки найдется (хотя бы) один котенок, которого эта девочка видела. Иными словами, меняет сферу действия по отношению к универсальному квантору утверждение существования некоторых индивидуальных объектов – в данном случае котят.

Однако (Yanovich, 2005) предсказывает совсем другие значения для (2) – в этих значениях изменять сферу действия будет не вся DP, а только AP, состоящая из самого местоимения, и изменять свои свойства по отношению к универсальному квантору будет не существование самих котят, а существование некоторых признаков, которые присущи котят⁴:

OK для (1a):

∃ свойство **p** такое, что для каждой девочки *y*, котенок(*x*) & **p**(*x*) & увидел(*x*)(*y*). (4a)

OK для (1a,b):

Для каждой девочки *y*, ∃ свойство **p** такое, что котенок(*x*) & **p**(*x*) & увидел(*x*)(*y*) (4b)

Хотя некоторые носители русского и признают, что предложения из (2) могут иметь интерпретации из (4), даже такие носители признают и интерпретации из (3) и, более того, считают интерпретации из (3) более естественными. Часть же носителей не может согласиться с тем, что значения из (4) являются возможными интерпретациями для предложений в (2). Таким образом, простой анализ наших местоимений как прилагательных не совместим с реальной интуицией носителей, в отличие от анализа их как детерминаторов.

Впрочем, всё не так просто – анализ с детерминаторами также не может предсказать существование группы носителей, для которых возможны интерпретации из (4). Таким образом, ни один из двух подходов в чистом виде не может описать реальную ситуацию – требуется построить некоторое расширение либо того, либо другого подхода. В следующей части нашего доклада мы сначала попытаемся найти независимые свидетельства в пользу подхода с прилагательными или же подхода с детерминаторами.

2. Дополнительное свидетельство в пользу подхода с прилагательными

Важное различие между поведением детерминаторов и прилагательных заключается в том, что первые могут занимать лишь фиксированную позицию D^0 , в то время как вторые могут достаточно свободно модифицировать составляющие части DP на разных уровнях. Важная граница во внутренней структуре DP проходит на уровне NumP, в которой к общему имени (возможно, с какими-либо зависимыми) присоединяются числительные. Если множество, соответствующее предикату, обозначаемому общим именем, содержит индивидуальные объекты любой мощности, то множество, соответствующее составляющей уровню NumP, уже содержит в себе индивидуальные объекты только строго определенной мощности. Например, NumP «three lions» содержит лишь такие группы львов, которые состоят ровно из трех львов.

То, на каком именно уровне присоединяется группа прилагательного – ниже или выше NumP – влияет на интерпретацию DP как целого. Так, «bold three lions» обозначает предикат, верный в отношении храбрых групп из трех львов, в «three bold lions» - предикат, верный в отношении групп из трех львов, где каждый из троих храбр.

Чтобы окончательно убедиться в этом семантическом различии, можно проверить его влияние на условия истинности: допустим, у меня есть три знакомых льва, живущие в местном зоопарке. Обычно их держат в трех разных вольерах, и я знаю, что каждый из троих, когда находится один, довольно труслив. Но иногда служители собирают всех трех львов (скажем, во время больших праздников) в одном вольере, и собравшись вместе, три льва забывают о том, что они вообще-то трусливы поодиночке, и становятся храбрыми. Таким образом, взятые по отдельности, в момент, когда они находятся в трех разных вольерах, они никак не могут быть названы «three bold lions», но будучи вместе, могут быть названы «bold three lions».

Детерминаторы, напротив, могут находиться лишь выше NumP: «the three lions», но «*three the lions», что отвечает и их семантике – после того, как детерминатор превратил свой аргумент-предикат в обычный индивидуальный объект или же в обобщенный квантор, получившееся значение уже нельзя модифицировать, пересекая с предикатом, можно только использовать его в качестве аргумента этого предиката (или, наоборот, функции, которая примет предикат как аргумент).

Таким образом, мы только что обосновали правомерность хорошего теста на то, является ли некоторая составляющая детерминатором или же AP: если эта составляющая может присоединяться к DP как выше, так и ниже уровня NumP, значит, эта составляющая не может быть детерминатором.

⁴ Мы предполагаем, что переменная *x* не квантифицируется непосредственно и получает свою интерпретацию через стандартную процедуру экзистенциального закрытия, принятую в Discourse Representation Theory и File Change Semantics.

Теперь мы готовы применить только что описанный тест к русскому материалу, чтобы выяснить с его помощью, на каком синтаксическом уровне вводятся местоимения типа *какой-то*. Здесь нас поджидают определенные трудности, поскольку порядок слов внутри русской DP является в большей степени свободным, чем порядок слов в английской DP: например, возможно вынести прилагательное, которое должно было бы стоять близко к существительному, на левый край DP, интонационно выделив его при этом как контрастивный фокус: «БОЛЬШИХ три льва».

Однако же в русском, в отличие от английского, определить положение прилагательного-модификатора по отношению к NumP нам помогает падежное маркирование: дело в том, что прилагательные, стоящие ниже NumP, получают тот же морфологический падеж, что и существительное, а существительное в конструкциях с числительными при синтаксическом именительном или винительном падеже на всей DP получает родительный падеж; а прилагательные, стоящие выше NumP, получают морфологический падеж, совпадающий с синтаксическим падежом DP:

Три (NOM) больших (GEN) льва (GEN). (5a)

Большие (NOM) три (NOM) льва (GEN). (5b)

Храбрые (NOM) три (NOM)
больших (GEN) льва (GEN). (5c)

Таким образом, если *какой*-местоимения являются детерминаторами, то они должны получать только морфологический падеж, совпадающий с синтаксическим падежом DP. Если же они являются прилагательными, то при именительном или винительном падеже на всей DP они должны быть способны получать как совпадающий с синтаксическим падеж, так и родительный падеж.

Как несложно убедиться, подтверждается вторая возможность, говорящая в пользу того, что местоимения с корнем *какой* являются прилагательными:

Мальчик принес какие-то три стула. (6a)

Мальчик принес три каких-то стула. (6b)

Итак, мы только что продемонстрировали новый аргумент в пользу анализа с прилагательными. Таким образом, позиции анализа с детерминаторами становятся чрезвычайно слабыми – непонятно, как такой подход вообще мог бы пытаться объяснить (6). Однако, как мы помним, перед подходом с прилагательными стояла серьезная проблема: объяснить, каким образом получаются те интерпретации *какой*-местоимений, которые можно наблюдать у носителей русского языка. В следующем разделе мы займемся именно этим.

3. Два какой

Для того, чтобы решить главную проблему подхода с прилагательными, я предлагаю следующее решение: можно предположить, что существует не одно местоимение *какой*, а два разных местоимения *какой*₁ и *какой*₂, причем первое обозначает обычные предикаты, а второе – идентифицирующие предикаты (identifying properties), то есть такие предикаты, которые верны в отношении только одного объекта⁵. Соответственно, и все местоимения, образованные от этого корня, также имеют два лексических варианта.

$$\text{IDENT}_\alpha =^{\text{def}} \{p_{\in(\alpha t)}: \exists x p(x) \ \& \ (\neg \exists y p(y) \ \& \ x \neq y)\} \quad (7)$$

$$[[\text{какой}_1]] = \{p_{\in(\alpha t)}\} \quad (8a)$$

$$[[\text{какой}_2]] = \{\text{IDENT}_\alpha\}. \quad (8b)$$

Именно местоимения, образованные от *какой*₁, и позволяют получить значения того типа, который представлен в (4). Намного более интересно то, какие значения можно получить, используя *какой*₂-местоимения:

$$[[\text{какой}_2\text{-то}]] = f(\text{IDENT}_\alpha)_{\in(\alpha t)}, \quad (9)$$

где f – выбирающая функция

$$[[\text{какой}_2\text{-то мальчик}]] =$$

$$\lambda x. [f(\text{IDENT}_\alpha)_{\in(\alpha t)}(x) \ \& \ \text{мальчик}(x)], \quad (10)$$

где f – выбирающая функция.

⁵ Такую многозначность можно заменить регулярным сдвигом значения, которое будет превращать *какой*₁ в *какой*₂, или же наоборот. На настоящий момент я не вижу принципиальных отличий предсказаний такого подхода от подхода, изложенного в тексте.

Если выразить тот же смысл менее формально, *какой₁-то* обозначает, что референт DP, которую это слово модифицирует, обладает некоторым свойством, которое выбрала выбирающая функция (ср. (4)). А *какой₂-то* обозначает, что референт модифицированной DP обладает некоторым идентифицирующим свойством, то есть таким, которое верно только в отношении одного объекта. Иными словами, то, что этот референт обладает этим свойством, однозначным образом определяет его, поскольку такой объект в мире может быть только один. Не являясь детерминатором и не меняя семантический тип, *какой₂-то* тем не менее выбирает, пусть и косвенным образом, референта DP, так, как это обычно делают детерминаторы, а не прилагательные.

Таким образом, предложенный анализ не позволяет непосредственно получить значения того типа, который представлен в (3), однако значения в (3) являются логическим следствием тех значений, которые можно получить с помощью *какой₂-то*. Убедимся в этом⁶.

Для несколемизированной функции f (что возможно только для местоимения *какой-то*), значение (2) при выборе корня *какой₂* будет следующим:

Для каждой девочки y ,
 $\exists x:(f(\text{IDENT}_e))(x) \ \& \ \text{котенок}(x) \ \& \ \text{видел}(x)(y)$
 (11)

Докажем, что из (11) следует (3a). Чтобы (3a) было истинным, должен существовать один котенок, которого увидела каждая девочка. Если (11) истинно, то каждая девочка видела такого котенка, который обладает свойством p , выбранном функцией f , причем $p \in \text{IDENT}$. Поскольку $p \in \text{IDENT}$, то оно может быть верно только в отношении одного единственного котенка. Таким образом, котят, которых видели разные девочки, если (11) истинно, являются одним и тем же котенком, то есть существует один котенок, которого видела каждая девочка – (3a) верно. Итак, в любой ситуации, где верно (11), верно и (3a).

Для выбирающей функции, сколемизированной на один аргумент, который связан DP «каждая девочка» (единственная возможность для *какой-нибудь*, и одна из возможностей для *какой-то*), значение (2) при выборе корня *какой₂* будет следующим:

Для каждой девочки y ,
 $\exists x:(f(\text{IDENT}_e)(y))(x) \ \& \ \text{котенок}(x) \ \& \ \text{видел}(x)(y)$
 (12)

Чтобы (3b) было верно, каждая девочка должна была увидеть того или иного котенка. Если верно (12), то для разных девочек функция f выбирает разные идентифицирующие свойства, верные в отношении тех котят, которых видели эти девочки. Таким образом, каждая девочка видела какого-либо котенка, определенного выбранным функцией f идентифицирующим свойством, но при этом для разных девочек эти свойства были разными, следовательно, могли быть разными и котята. Итак, в любой ситуации, где верно (12), каждая девочка видела того или иного котенка, то есть из (12) логически следует (3b). Проблема предсказания правильных интерпретаций для подхода с прилагательными решена.

Список литературы:

1. Падучева, Елена Викторовна: (1985). *Высказывание и его соотношенность с действительностью*, Москва, Наука.
2. Падучева, Елена Викторовна: (2004). 'Эффекты снятой утвердительности', рукопись. Сокращенная версия опубликована в Трудах международной конференции Диалог 2004.
3. Haspelmath, Martin: (1997). *Indefinite pronouns*, Oxford University Press, Oxford.
4. Kratzer, Angelika: (1998). 'Scope or pseudoscope? Are there wide scope indefinites?' in S. Rothstein (ed.), *Events and Grammar*. Kluwer, Dordrecht.
5. Kratzer, Angelika u Junko Shimoyama: (2002). 'Indeterminate Pronouns: The View from Japanese', в Yukio Otsu (ред.), *The Proceedings of the Third Tokyo Conference on Psycholinguistics*, Hituzi Syobo, Tokyo.
6. Schlenker, Philippe: (2004), 'Scopal independence: On branching and wide-scope readings of indefinites and disjunctions', ms.
7. Yanovich, Igor: (2005). 'Choice-functional series of indefinite pronouns and Hamblin semantics', в *SALT 15 Proceedings*.

⁶ Похожее по смыслу, пусть и использованное с совершенно иной целью доказательство можно найти в (Schlenker, 2004).